

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.9

В. А. Мазиллов

Актуальные методологические проблемы современной психологии

(Работа выполнена при поддержке РФФИ, грант 12-06-00320)

В статье обсуждается вопрос о кризисе психологии, предлагается уровневая трактовка кризиса. Предметом обсуждения являются три взаимосвязанных методологических вопроса: соотношение академической и практической психологии, несоизмеримость теорий в психологии, проблема предмета психологии. Утверждается принцип соизмеримости теорий, предлагается новая трактовка предмета психологии.

Ключевые слова: психология, методология, предмет психологии, кризис психологии, объект, несоизмеримость, соизмеримости теорий принцип.

V. A. Mazilov

Urgent Methodological Problems of Modern Psychology

This article discusses the crisis of psychology, proposed a layer treatment crisis. The subject of discussion is three interrelated methodological issues: the ratio of academic and practical psychology, incommensurability of theories in psychology and of the subject of psychology. The principle of the co-measurement theory, offering a new interpretation of the subject of psychology is confirmed.

Keywords: psychology, methodology, the subject of psychology, crisis psychology, an object, incommensurability, commensurability of principle theories.

Психологическая наука стремительно развивается, несмотря на некоторые нерешенные проблемы, свидетельствующие о наличии перманентного кризиса. Впрочем, вопрос о кризисе вполне можно вынести за скобки, так как уровневое представление о кризисе психологии позволяет заключить, что дискуссии ведутся в значительной степени о различных предметах. Нередко можно услышать мнение, что кризис, к примеру, действительно был на рубеже XX и XXI столетий, но сейчас уже успешно преодолен. И в качестве главного аргумента приводится непреложный факт интенсивного развития психологической науки и практики.

Хотелось бы только заметить, что автор настоящего текста расценивает кризис как благоприятную ситуацию. В данном случае сошлемся на авторитет классика. Ж. Пиаже, характеризуя развитие психологической науки, отмечал: «Науки более развитые, чем наша, уже давно пришли к пониманию того, что успехи науки в периоды ее кризисов обычно связаны с ретроактивной критикой употребляемых понятий, следовательно, с внутренней (и независимой от философии) эпистемологической критикой» [6, с. 189]. Упорное подчеркивание кризисного состояния науки

свидетельствует не столько о маниакальных устремлениях автора настоящего текста, сколько о том, что эта внутренняя эпистемологическая критика или принципиально запаздывает, или, что более вероятно, не столь эффективна. Мы солидарны с Ж. Пиаже в том, что кризис имеет в первую очередь методологический характер и проявляется в сфере когнитивной, а не социальной, как иногда утверждают.

По нашему мнению, глубинный кризис научной психологии существует с момента ее возникновения, он не преодолен до сих пор, хотя может проявляться на разных уровнях. По меньшей мере, их три.

Первый – относительно неглубокий. Этот уровень отражает закономерности любого развития, включающего в себя, как хорошо известно, и литические, и критические этапы. Кризис на этом уровне – нормальный, естественный этап в развитии любого подхода, направления, «локальный» кризис, который и возникает, и преодолевается относительно легко.

Второй уровень – уровень «основных парадигм». Еще В. Вундт – создатель научной психологии – заметил в «Основах физиологической психологии», что психология «занимает среднее

место между естественными и гуманитарными науками». История психологии в XX столетии может быть уподоблена движению «маятника»: периодические обострения кризиса – не что иное, как разочарование в возможностях свести всю психологию к ее «половине» (естественно-научной или герменевтической). Иными словами, когда части научного сообщества становится очевидной несостоятельность очередной попытки решить вопрос о целостности психологии ценной «логического империализма» той или другой из двух полунаук (по изящному выражению Л. Гараи и М. Кечке), возникает впечатление, что психология вновь в кризисе.

И, наконец, третий, самый глубокий, уровень связан с ограниченным пониманием самого предмета психологии. На этом уровне кризис не преодолен до сих пор (со времен В. Вундта, Ф. Brentano и В. Дильтея). Истоки кризиса, на наш взгляд, можно обнаружить в трудах ученых середины XIX столетия, которые обеспечили психологии статус самостоятельной науки. Обстоятельства выделения были таковы, что ценой, которую психология заплатила за свою научность и самостоятельность, стало ограниченное понимание ее предмета. С одной стороны, сказались противопоставление физиологии (в результате психическое утратило «энергетические» определения), с другой – разделение психики на «высшую» и «низшую» лишило ее неразрывной связи с миром культуры (в результате психическое в значительной степени утратило характеристики «духовного»). Вероятно, утверждение о противопоставлении физиологии кому-то покажется неверным: ведь сам В. Вундт был физиологом, а его психология именовалась физиологической. Тем не менее, разрыв оформился, и дуалистичность нашей научной психологии очевидна и в начале третьего тысячелетия. К тому же провозглашение психологии эмпирической наукой способствовало фактическому прекращению теоретических исследований по проблеме предмета психологии (это казалось возвращением к метафизике, рациональной психологии). Результатом такого положения вещей явилось то, что, фактически, психология разрабатывалась в значительной степени за счет логики других наук (биологических либо социальных), т.к. предмет психологии реально раскрывался в рамках концепций, тяготеющих к биологии либо к социологии. На наш взгляд, глубинный смысл кризиса в психологии как раз и состоит в неадекватном определении предмета, в результате чего под-

линный предмет подменяется «частичными», «одномерными» и редукция становится неизбежной: психе сводится к адаптации, к регуляции, к отражению, к ориентировке и т.д. Таким образом, выход из кризиса может быть найден только в том случае, если трактовка предмета научной психологии будет пересмотрена. Главный вывод, который следует из вышеприведенных соображений, состоит в том, что кризис в научной психологии, так сказать, «заложен конструктивно», процессы на поверхностных уровнях практически ничего не решают. Следовательно, важнейшей проблемой современной психологии является выработка такого понимания предмета, который бы позволил преодолеть кризис на глубинном уровне. Здесь нет возможности рассматривать исторические причины возникновения узко-неадекватной трактовки предмета (при желании их можно усмотреть в традициях, унаследованных еще от средневековой философии, рассматривавшей душу как простую по своей природе, а затем в трудах Р. Декарта, Д. Локка и особенно И. Канта). Повторим еще раз, что, когда речь идет о кризисе, имеется в виду именно глубинный методологический его уровень. Впрочем, оставим проблему кризиса в психологии и обсудим некоторые важные методологические вопросы современной психологии.

В рамках настоящей статьи целесообразно обсудить несколько вопросов. Один из них – проблема несоизмеримости-соизмеримости психологических теорий.

В психологии широко распространено мнение, согласно которому психологические теории являются несоизмеримыми, а следовательно, и несопоставимыми. Тут мы имеем дело с одной особенностью психологического сообщества. С одной стороны, психологи любят употреблять понятия, появившиеся в философии и методологии науки. С другой – используют их настолько вольно, что смысл термина иногда практически полностью изменяется. А.В. Юревич отмечает, что «понятие парадигмы используется достаточно вольно, за что, если не рассматривать это как недостаток методологической рефлексии психологии, можно возложить ответственность не только на психологов, но и на самого Т. Куна, который не определил введенное им понятие достаточно четко. В результате уже в начале 80-х гг. прошлого века М. Мастерман насчитала 35 различных пониманий парадигмы, количество которых с тех пор еще более увеличилось. Все основные подходы к изучению психического,

такие как бихевиоризм, когнитивизм, психоанализ и др., принято именовать парадигмами. В то же время психологи, видимо, ощущают некоторую несоразмерность подобных подходов к этому понятию, в результате чего в последние годы обозначилась тенденция считать парадигмами в психологии лишь наиболее глобальные исследовательские направления, такие как естественно-научная и гуманитарная психология, разделение на которые сопровождает психологию с первых ее шагов» [7, с. 3–4]. Блестящим примером такого рода является статья В.В. Козлова [1]. В пределах одной статьи термин «парадигма» выступает настолько в разных «свойствах и опосредованиях», что это позволяет автору сделать парадоксальный вывод, согласно которому В.В. Козлов «считает все пять парадигм психологии прогрессивными и необходимыми, т.к. каждая из них во временной перспективе содержит некий избыток относительно предыдущих теорий, объясняет новый, доселе неожиданный факт, определяя новые пространства феноменов психического» [1, с. 54], причем автор «совершенно уверен, что существует одна психология, по-разному выполненная в текстах разных парадигм...» [1, с. 62]. Понятно, что парадигма, по В.В. Козлову и по Т. Куну, это не вполне одно и то же... Впрочем, мы отвлеклись. Вернемся к несоизмеримости психологических теорий. Точнее, к представлению психологов о несоизмеримости. Связано оно, как ни покажется странным, с тем методологическим влиянием, которое оказали на сознание многих современных психологов-исследователей работы методолога науки Т. Куна. Мы имеем в виду широкий резонанс, который получили известные высказывания выдающегося историка и философа науки о несоизмеримости научных теорий. Психологическое сообщество с готовностью приняло тезис о несоизмеримости психологических теорий, причем «в общем виде»: о несоизмеримости психологических теорий вообще. Однако, так ли это?

Ниже мы приведем – да простит нас читатель – несколько обширных цитат из классической работы Т. Куна [курсив в этих цитатах везде наш – В.М.]. «Мы уже рассмотрели несколько различных причин, в силу которых защитникам конкурирующих парадигм не удается осуществить полный контакт с противоборствующей точкой зрения. Вместе взятые эти причины следовало бы описать как несоизмеримость *предреволюционных* и *послереволюционных* нормальных научных традиций, и нам следует здесь только кратко резюмировать уже сказанное. Прежде

всего, защитники *конкурирующих* парадигм часто не соглашаются с перечнем проблем, которые должны быть разрешены с помощью каждого кандидата в парадигмы. Их стандарты или определения науки не одинаковы» [2, с. 221]. Т. Кун продолжает: «Однако речь идет о чем-то большем, нежели несоизмеримость стандартов. Поскольку новые парадигмы рождаются из старых, они обычно вбирают в себя большую часть словаря и приемов, как концептуальных, так и экспериментальных, которыми традиционная парадигма ранее пользовалась. В рамках новой парадигмы старые термины, понятия и эксперименты оказываются в новых отношениях друг с другом. Неизбежным результатом является то, что мы должны назвать (хотя термин не вполне правилен) недопониманием между двумя конкурирующими школами» [2, с. 222]. По Т. Куну, существует и «третий и наиболее фундаментальный аспект конкурирующих парадигм. В некотором смысле, который я не имею возможности дальше уточнять, защитники конкурирующих парадигм осуществляют свои исследования в разных мирах» [2, с. 224]. Т. Кун резюмирует: «Работая в различных мирах, две группы ученых видят вещи по-разному, хотя и наблюдают за ними с одной позиции и смотрят в одном и том же направлении. В то же время нельзя сказать, что они могут видеть то, что им хочется. Обе группы смотрят на мир, и то, на что они смотрят, не изменяется. Но в некоторых областях они видят различные вещи, и видят их в различных отношениях друг к другу. Вот почему закон, который одной группой ученых даже не может быть обнаружен, оказывается иногда интуитивно ясным для другой. По этой же причине, прежде чем они смогут надеяться на полную коммуникацию между собой, та или другая группа должна испытать метаморфозу, которую мы выше называли сменой парадигмы. Именно потому, что это есть переход между несовместимыми структурами, *переход между конкурирующими парадигмами* не может быть осуществлен постепенно шаг за шагом *посредством логики и нейтрального опыта*. Подобно *переключению гештальта*, он должен произойти сразу (хотя не обязательно в один прием) или не произойти вообще» [2, с. 224–225].

Обратим внимание, что обычно те психологи, которые восприняли куновские положения, говорят о несоизмеримости теорий вообще, полагая, будто это безоговорочно относится к психологии. По нашему мнению, без достаточных на то оснований. Конечно, авторитет Т. Куна чрез-

вычайно велик, это выдающийся мыслитель. Попробуем критически отнестись к распространению выводов куновской теории на психологию. Выскажем некоторые соображения, которые, на наш взгляд, вносят долю сомнения в применимости идей классика к предметной области психологии.

1. Рассуждения Т. Куна основываются на примерах и обобщениях, взятых из истории естественных наук. Никем пока не доказано, что эти рассуждения имеют столь универсальный характер, что могут адекватно представлять ситуацию в области научной психологии.

2. Обычно упускается из виду, что ключевым моментом для рассуждений Т. Куна является научная революция (вспомним о названии его труда). Т. Кун говорит именно о несоизмеримости *предреволюционных* и *послереволюционных* нормальных научных традиций. В психологии дело чаще всего обстоит не так, поскольку психология явно не является монопарадигмальной дисциплиной. Поэтому безоговорочный перенос куновских рассуждений на область психологии сомнителен. (Тем более, что если принять во внимание неадекватность понимания предмета современной психологией, могут быть найдены основания и для того, чтобы считать психологию допарадигмальной дисциплиной. Впрочем, обсуждение этого вопроса здесь увело бы нас в сторону от основной темы, поэтому найдем для этого иное место).

3. В психологии мы действительно имеем различные теории одного явления (число их часто исчисляется десятками). При этом подчеркнем, что авторы новой теории не ставят перед собой задачи опровергнуть другие теории. Задачу они видят скорее в том, чтобы дать адекватное описание и объяснение психического феномена. В этом случае говорить о революции не приходится. Поэтому речь о *переходе между конкурирующими парадигмами*, естественно, не идет. Таким образом, в психологии чаще всего просто нет задачи опровержения старой точки зрения, там заявляется новый подход.

4. Противоборство между парадигмами рассматривается как сознательный процесс, основанный на логике и нейтральном опыте: *переход между конкурирующими парадигмами* не может быть осуществлен постепенно шаг за шагом *посредством логики и нейтрального опыта*. В этом моменте, возможно, наблюдается радикальное расхождение между естественными науками и психологией. Дело в том, что количество «степе-

ней свободы» при рассмотрении психических явлений значительно больше, чем в любой из естественных наук. Это совершенно естественно, если принять во внимание сложность самих объекта и предмета психологической науки. Соответственно, имеется значительно большее число возможных аспектов анализа. В этой связи важно подчеркнуть, что при формулировании теории важнейшую роль играют неосознаваемые самим исследователем процессы. Речь идет о том, что ниже в рамках настоящей статьи будет охарактеризовано как предтеория – исходные представления ученого. Она предшествует исследованию, часто вообще не осознается самим исследователем и выступает в качестве неявного основания исследования. Выявлено, что предтеория играет определяющую роль при проведении исследования в области психологии [4].

5. Как становится понятно, противоборство между парадигмами Т. Кун рассматривает как естественный процесс развития научного знания. Если использовать введенное выше различие стихийной и целенаправленной интеграции, можно предположить, что вполне возможна ситуация, при которой работа соотнесения концепций выполняется незаинтересованным, нейтральным лицом – методологом или историком науки, т.е. становится целенаправленной. Логично предположить, что в такой работе становится возможным то, что недоступно при стихийном соотнесении. Особенно, если вспомнить о том, что процедура предполагает выявление не осознаваемых самими исследователями оснований.

6. Наконец, обратим внимание на то, что Т. Кун исходит из явной аналогии между гештальтистскими исследованиями восприятия и переходом от одной парадигмы к другой. Действительно, хорошо известно, к примеру, что в случае «двойных» изображений нельзя одновременно видеть оба изображения на картинке. И переход внезапный. Иными словами (забегая вперед) отметим, что Т. Кун использует эти опыты как *моделирующее представление*. Но кто сказал, что это единственное и самое адекватное моделирующее представление для этого случая?

Таким образом, мы полагаем, что принципиальная несоизмеримость теорий и концепции в современной психологии не доказана.

От психологов, на наш взгляд, требуется отчетливое понимание того, что универсальные концепции сегодня разработать вряд ли удастся. Как неоднократно говорил К. Юнг, время универсальных концепций в психологии еще не при-

шло. Поэтому, создавая научную теорию, стоит помнить о том, что она должна иметь свою сферу применения, зону «адекватности». Нужна установка на кооперацию, на сотрудничество. Иными словами, психологи должны выработать толерантность к взглядам коллег, сформировать у себя установку не на поиск отличий, а на обнаружение сходства.

Эффект представляется очевидным, т.к. такой переход в идеальном случае может означать переход от конкуренции к кооперации. Но даже частичная корректировка установок исследователей будет обеспечивать дополнительную возможность взаимопонимания. Предполагаем, что подобного рода заключения вызовут со стороны некоторых коллег обвинения в прожектерстве. Оценивая перспективы такого подхода (заметим, сформулированного значительно мягче, чем в настоящем тексте), одна из коллег сравнила его с известным способом вытаскивания себя из болота, предложенным бароном Мюнхгаузеном. Такой пессимизм относительно изменения менталитета коллег по цеху разделять не хочется, потому что, согласно известному высказыванию папы Пия VI (по другому, естественно, поводу), проблема имеет два решения: реальное, если вмешается Господь, и фантастическое, если стороны договорятся. Мечты иногда сбываются. Хочется верить, что рано или поздно психологи будут лучше понимать друг друга.

Второй проблемой является взаимодействие научной академической психологии и психологии практической.

Сейчас интенсивно складывается парадигма современной практико-ориентированной психологии, поэтому представляется полезным дать эскиз этой парадигмы. Итак, что такое практическая психология сегодня? Во-первых, это наука, которая определяется не через предмет, а через объект. В практическом отношении всегда важнее дать общую (целостную) характеристику личности. В медицине, праве, педагогике, искусстве и т.п. куда важнее определить, кто находится перед тобой, чем следовать исторически сложившимся (поэтому неизбежно исторически ограниченным) канонам научности. Уместно заметить, что в качестве такового обычно принимается «стандарт», сформировавшийся и оформившийся в сфере естественных наук. В соответствии с таким стандартом выделяется «клеточка», из которой должно «выстроиться» искомое «целое». Напомним, еще В. Дильтей в конце XIX столетия предупреждал, что такая стратегия в области психологии малоперспективна. Поэтому

практическая психология исходит не из предмета, а из объекта. Объект принципиально целостен. Это приводит к реализации в исследовании иных (по сравнению с академической психологией) схем. Как нам представляется, здесь необходимы некоторые пояснения. Попытаемся их дать.

Предметом научной академической психологии традиционно полагается либо психика, либо поведение (в зависимости от того, к какой научной школе принадлежит интервьюируемый психолог-исследователь). Это на уровне деклараций. Реально подлежат изучению либо явления поведения (доступные внешнему наблюдению), либо феномены самосознания (которые фиксируются с помощью самонаблюдения). Исходя из этого реального предмета строится гипотетическая конструкция – так называемый предмет науки. Как правило, это – результат мыслительной деятельности познающего, т.е. нечто имеющее опосредствованный характер (например, та же психика). Из этого предмета должно быть выведено все богатство явлений, относящихся к сфере данной науки – совокупный предмет. Важно подчеркнуть, что реальный совокупный предмет получается в результате «конструктивной» (в смысле В. Дильтея) деятельности. Таким образом, в данном случае путь науки от «единиц» к «целому».

В практической психологии путь принципиально обратный. Это достигается за счет того, что в качестве исходного берется не предмет, а объект. Объект принципиально целостен. В качестве объекта (в практической психологии) выступает личность. Следует специально подчеркнуть, что понимание личности в практической психологии существенно отлично от трактовки личности в академической психологии (можно указать, по меньшей мере, десять принципиальных отличий) (см. [7]). Как практически-ориентированная область знания она исходит из представления о целостном объекте, не пытаюсь «выстроить» его из предполагаемых (и, естественно, гипотетических) «единиц», но пытаюсь охватить целиком. Отсюда следует и специфический метод: он может быть определен как гуманистический, предполагающий диалог исследователя и исследуемого (поскольку последний является носителем сознания), и игнорирование этого обстоятельства, по меньшей мере, недальновидно. Исходными принципами практической психологии могут быть названы целостность и типологичность (в противоположность «элементаризму» и «конструктивизму» научной психо-

логии, которые были зафиксированы еще В. Дильтеем (1894)). В качестве идеала научности практическая психология имеет описание и предсказание (поведения личности), а не объяснение. Средством видит не построение научных моделей, но разработку типологий (многочисленных, по разным основаниям), классификацию и описание индивидуальных случаев.

Вряд ли стоит специально подчеркивать, что конечной целью практической психологии является выход на психотехники и психотехнологии, так как практическая психология изучает собственный объект для того, чтобы в том или ином отношении его изменить (в скобках заметим, что цель академической психологии – обнаружить общие законы и «вписать» предмет изучения в общую картину мира). Естественно, что различается и представление об «итоговом продукте»: в научной психологии это построение возможно более убедительной теоретической модели, в которой получили воплощение общие «законы жизни» научного предмета, в практической психологии это «всего лишь» описание или типология, предполагающая ту или иную квалификацию «индивидуального» случая.

Возникает один (причем важнейший для современной методологии психологии) вопрос: есть ли непосредственная связь между методологией психологической науки и методологией психологической практики (методологией практической психологии), либо они обречены на параллельное и относительно независимое существование?

Наш ответ однозначен: мы полагаем, что такая связь существовать должна, просто в настоящий момент она не эксплицирована (в первую очередь из-за теоретической неразработанности проблемы предмета психологии).

Третья проблема, на которой хотелось бы остановиться в рамках настоящей статьи, это, как ни удивительно, проблема предмета психологии. Обратим внимание на то, что главная методологическая проблема – выработка нового понимания предмета психологии. Эта мысль нуждается в пояснении. Попробуем это сделать. Важно понимать разницу между предметом науки и предметом конкретного исследования. С предметом конкретного исследования никто существенных затруднений не имеет: скажем, диссертанты вполне успешно его определяют и защищают результаты проведенных исследований. А с предметом науки – проблема. И исследователь в области психофизики, и исследователь в области

трансперсональной психологии представляют одну науку – психологию. Сейчас складывается впечатление, что это представители совершенно разных наук, т.к. все у них разное. Поэтому понимание предмета психологии должно быть таким, чтобы в нем нашлось место как для одного, так и для другого. Только такое понимание даст возможность объединить наработки психологов разных школ и направлений. Без такого понимания невозможно обобщение накопленных в психологии огромных массивов знаний. Это очень сложная задача. Она, кстати, общая для отечественной и для мировой психологии (при всем различии подходов к исследованию психики). Соотнесение и упорядочение имеющегося материала на основе нового понимания позволят психологии стать фундаментальной наукой. В решении этой проблемы можно выделить два аспекта, а точнее, два этапа ее решения. Первый этап – формальное описание предмета (какие функции он должен выполнять, каким критериям соответствовать). Эта работа в основном уже проделана [3]. Второй этап – содержательное наполнение концепта «предмет психологии». В этом направлении работа уже проводится [5]. Как конкретно будет называться этот новый предмет? Представляется, что наиболее удачным является термин «внутренний мир человека». Именно он позволяет, на наш взгляд, осуществить содержательное наполнение, вместив всю психическую реальность в полном объеме. Многие методологические проблемы психологии порождаются нерешенностью главной – выработкой нового понимания предмета. Противостояние парадигм, различия между естественно-научной и гуманистической ориентациями в психологии и т.п. – эти важнейшие проблемы являются следствиями нерешенности основного вопроса психологии. Проблема предмета – это действительно, если перефразировать классика, основной вопрос всей, в особенности новейшей, психологии.

Таким образом, изменение установок психологов (о котором говорилось выше) и систематическая методологическая работа по интеграции научного знания могут внести вклад в развитие психологической науки на современном этапе.

Библиографический список

1. Козлов, В. В. Основы интегративной парадигмы психологии [Текст] / В.В. Козлов // Методология современной психологии. – Вып. 1. – М., 2010. – С. 54–66.

2. Кун, Т. Структура научных революций [Текст] : сб.; перевод с англ. / Т. Кун. – М. , 2003.

2. Мазиллов, В. А. О предмете психологии [Текст] / В. А. Мазиллов // Методология и история психологии. – Т. 1. – Вып. 1. – 2006. – С. 55–72.

3. Мазиллов, В. А. Методология психологической науки: история и современность [Текст] : монография. – Ярославль, 2007.

4. Мазиллов, В. А. Когнитивная методология психологии [Текст] / В. А. Мазиллов. – Ярославль, 2011.

5. Пиаже, Ж. Характер объяснения в психологии и психофизиологический параллелизм / Фресс П., Пиаже Ж. Экспериментальная психология. – Вып. 1, 2. – М. : Прогресс, 1966. – С. 157–194.

6. Юревич, А. В. Перспективы парадигмального синтеза // Вопросы психологии. – 2008. – № 1. – С. 3–15.

Bibliograficheskij spisok

1. Kozlov, V. V. Osnovy integrativnoy paradigmy psikhologii [Tekst] / V.V. Kozlov // Metodologiya sovremennoy psikhologii. – Vyp. 1. – M. , 2010. – S. 54–66.

2. Kun, T. Struktura nauchnykh revolyutsiy [Tekst] : sb.; perevod s angl. / T. Kun. – M. , 2003.

2. Mazilov, V. A. O predmete psikhologii [Tekst] / V. A. Mazilov // Metodologiya i istoriya psikhologii. – T. 1. – Vyp. 1. – 2006. – S. 55–72.

3. Mazilov, V. A. Metodologiya psikhologicheskoy nauki: istoriya i sovremennost' [Tekst] : monografiya. – Yaroslavl', 2007.

4. Mazilov, V. A. Kognitivnaya metodologiya psikhologii [Tekst] / V. A. Mazilov. – Yaroslavl' , 2011.

5. Piazhe, ZH. Kharakter ob'yasneniya v psikhologii i psikhofiziologicheskij parallelizm / Fress P., Piazhe ZH. Eksperimental'naya psikhologiya. – Vyp. 1, 2. – M. : Progress, 1966. – S. 157–194.

6. Yurevich, A. V. Perspektivy paradigmal'nogo sinteza // Voprosy psikhologii. – 2008. – № 1. – S. 3–15.